

АФРИКАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В СССР: ДВЕ СУДЬБЫ, ДВЕ КАРЬЕРЫ

Н.Л. КРЫЛОВА

Доктор исторических наук
Институт Африки РАН

Ключевые слова: африканские студенты в СССР, высшее образование, студенческое сообщество, интернациональное воспитание, расовые конфликты, африканские землячества, внутриземляческие отношения, карьеры и жизненные траектории

В 2013 г. Российская академия наук (Институт Африки) и фонд «Дом наук о Человеке» (Франция) приступили к осуществлению совместной крупномасштабной научно-исследовательской программы, ставшей своеобразной «инвентаризацией» профессиональных успехов африканских граждан, обучавшихся в вузах Советского Союза в период с 1960-х по 1990-е гг.

Проект «Африканские студенты в Советском Союзе: послевоенная мобильность и развитие карьеры» был направлен, прежде всего, на изучение последующей карьеры и жизненной траектории выходцев с Черного континента, обучавшихся в СССР. Российские и французские исследователи задались целью выявить среди бывших африканских студентов тех представителей африканских политических, экономических и культурных элит, с которыми можно было бы выстраивать отношения для реализации новых программ деятельности в соответствующих сферах.

Напомним, что в 1960 г., провозглашенном ООН «Годом Африки», независимость получили сразу 17 африканских стран. На протяжении трех последующих десятилетий Африканский континент был условно разделен на страны «социалистической» и капиталистической ориентации, и именно те молодые люди, которые учились в Советском Союзе, должны были стать инструментом усиления советского влияния в Африке.

Африканские студенты, получившие образование в СССР, сегодня разбросаны по всему миру. Они участвуют в совместных с европейцами политических, экономических, научных и культурных международных проектах, живут и работают в европейских странах, выстраивая карьеры, основа для которых была заложена в советских ВУЗах. Об особенностях учебного процесса, повседневной жизнедеятельности, а также о формировании профессиональных траекторий рассказывают два африканских студента, обучавшихся в СССР в 1960-е - 1980-е гг.

Задачи, которыми руководствовался СССР в области образования по отношению к странам Африки, сводились не только к предоставлению молодежи континента возможности получения - на чрезвычайно льготных (по сравнению с западными странами) условиях - востребованных профессий, но и использования их в освобождавшихся от колониальной зависимости государствах. Одновременно в ходе обучения осуществлялись «идеологическое воспитание» африканцев и приобщение будущей национальной интеллигенции молодых государств к социалистическим принципам и установкам.

Формирование представлений о советском образе жизни, о близких и понятных трудовым

слоям развивающегося мира идеях социальной справедливости стало главным звеном идейно-воспитательной работы среди иностранных учащихся, прибывавших в СССР из стран Африки, начиная со второй половины XX столетия.

Поэтому еще одной задачей участников проекта стал анализ влияния советской системы образования и ее идеологической составляющей на судьбы африканских студентов, т.е. попытка ответить на вопросы, как воспринимается и оценивается в мире (а многие бывшие студенты живут и работают не только в Африке, но и в Европе, Америке и Канаде) полученное в Советском Союзе образование, и как сами выпускники оценивают его роль в формировании их карьеры, мировосприятии их жизни в целом.

Как крупная научно-практическая работа, в которой участвовали представители разных стран, этот проект предопределил появление новых контактов с африканцами - выпускниками советских вузов, ставшими политическими деятелями, учеными, писателями, врачами, инженерами, педагогами, работающими не только в своих, но и в других странах. Встречаясь с этими людьми, мы получали самую разнообразную информацию об их пребывании в СССР, о собственном учебном процессе, а также о повседневной жизни студентов-африканцев - словом, о юношеском периоде их жизни, который они волею судеб и обстоятельств провели в Советском Союзе.

Некоторые бывшие студенты не возвращались домой, а эмигрировали в европейские и другие страны. А те, кто вернулся на родину, по-разному выстраивали свою карьеру. Рассказы о судьбах двух из них легли в основу этой статьи.

НАШИ ИНФОРМАНТЫ

Конголезец Патрис Йенго (выпускник Харьковского мединститута, по специальности фармацевт, ныне известный в Республике Конго и во Франции культурный антрополог, один из организаторов указанного международного проекта) и нигериец Игхо Натуфе (выпускник Университета дружбы народов, специалист по проблемам российско-африканских отношений, до недавнего времени преподававший в университетах Канады, Нигерии и Ганы). Оба они - представители первых групп африканской молодежи, приехавшей на учебу в СССР.

«Игхо, почему вы приехали в Советский Союз?»

- Потому что еще в Нигерии я участвовал в студенческом движении, которое стремилось к укреплению контактов с вашей страной. То есть я целенаправленно ехал сюда учиться».

Сын юриста, Игхо, получив в 1964 г. «благословение» отца, до нашей страны добирался, что называется, окольными путями и успел только ко второму семестру: *«Мы должны были приехать к концу августа, чтобы начать учиться в сентябре, но я приехал только... 5 декабря. Правительство Абубакара Балева (1960-1966. - прим. ред.) в то время плохо относилось к странам Восточной Европы, и у нас получился сложный маршрут... Нам пришлось переехать из Лагоса сначала в Аккру в Гане, где мы пробыли почти три недели. (Мы - это мои нигерийские коллеги. В группе, которая ехала учиться в СССР, нас было пятеро.) Из Аккры наш проводник отправил нас в Кумаси (Гана), откуда мы вылетели в Бамако (Мали), где прожили, по-моему, 5-6 дней. Оттуда мы уже до-*

Игхо Натуфе и Наталья Крылова в Институте Африки РАН. XIII Международная конференция африканистов. Москва, май 2014 г.

бирались свободно, потому что оказались на территории дружественного государства... Из Бамако мы вылетели в Алжир и в начале декабря прилетели в Москву... Была зима... В первый раз я увидел снег! Представляете, как это было интересно нигерийцу, приехавшему из тропической страны!»¹

Отец Патриса Йенго, напротив, не одобрил выбор сына, скорее, был удивлен и даже возмущен его желанием учиться в Советском Союзе. Между тем, конголезец обстоятельно и вполне объективно обрисовал международную ситуацию, сложившуюся накануне появления в СССР первых групп африканских студентов, и весь комплекс причин, по которым африканские страны начали активно направлять свою молодежь именно в страны социалистического лагеря.

Патрис также глубоко и всесторонне проанализировал мотивы выбора молодыми суверенными государствами СССР в качестве места для подготовки своих национальных кадров, а также рассказал о том, как африканская

молодежь представляла в то время нашу страну: *«Политика африканизации кадров для многих молодых независимых стран стала острой необходимостью. Как можно быстрее нужно было изыскать средства для преодоления дефицита врачей, инженеров, агрономов, руководителей среднего и высшего уровня. Однако получить ускоренную подготовку кадров в то время можно было только в социалистических странах, уже тогда доказавших, что они на это способны. Неожиданно важным фактором при выборе этих стран оказались успехи СССР в сфере освоения космоса. Полет Юрия Гагарина в апреле 1961 г. вызвал бурю эмоций на континенте и окончательно убедил африканских лидеров если не в преимуществах социалистического строя над другими, то, как минимум, в эффективности социалистического пути развития»².*

Сравнивая систему подготовки африканских специалистов на Западе и в СССР, Патрис указал на разницу, причем в пользу последнего. Прежде всего, на возможность планирования подготовки кадров в восточноевропейских странах: *«90% студентов, принятых в советские вузы или другие образовательные центры, смогли приобрести необходимую квалификацию; в свою очередь, направившие их страны могли быть уверены в том, что, получив дипломы, они вернуться на родину. Со своей стороны, СССР также не был заинтересован в задерживании студентов, обучению которых он способствовал. Эта политика была полной противоположностью действиям западных стран, где студенты, предоставленные самим себе, зачастую не получавшие стипендий, должны были работать, чтобы обеспечить свои минимальные потребности, а это растягивало учебный процесс на неопределенный срок. Кроме того, закончив обучение, они по разным причинам оставались в стране, в которой получили образование».*

Специальности и формы обучения, предлагавшиеся СССР африканской молодежи, отлича-

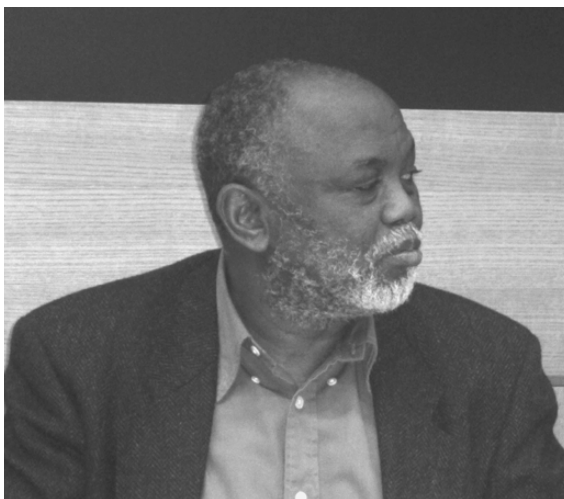
лись разнообразием, что также привлекало внимание. Это и среднее специальное образование (техникумы), и высшее образование для выпускников средней школы. СССР обеспечивал обучение по самым востребованным специальностям - медицине, фармакологии, стоматологии, инженерным профессиям. Подготовку по ним предлагали не только ведущие учебные заведения Москвы - МГУ, УДН и др., но и вузы других городов России, а также Белоруссии, Украины, Казахстана и Узбекистана.

Не менее важной причиной, обуславливавшей выбор учебы в Советском Союзе, Патрис считает привлекательность проводимой (по крайней мере, официально) в СССР национальной политики: *«Это был хороший пример для новых африканских стран, поскольку сразу после провозглашения независимости они были охвачены межэтническими конфликтами»*.

А как протекали учеба и повседневная жизнь африканского студента в Советском Союзе во второй половине XX столетия?

Ее нельзя назвать скучной или однообразной как на уровне внутриземляческих отношений, так и на уровне взаимоотношений с внешней средой. Следует отметить, что как общественная группа африканское студенчество в СССР формировалось в уникальных условиях социокультурной множественности, связанных как с особенностями социального положения студента, так и с его жизненными установками, ориентированными, прежде всего, на превращение в квалифицированного специалиста. Эта ориентационная модель сочетала в себе элементы традиционной африканской психологии, сложившейся в годы колониального господства, и элементы интеграции посредством учебы в совершенно новую общность, называвшуюся «советской».

Новая социальная организация, особенности экономического развития и научно-техничес-

Патрис Йенго на коллоквиуме «Повседневная жизнь африканских студентов в СССР/России». Париж, апрель 2013 г.

ких достижений, новые идеи и культурно-информационные контакты, способствовавшие расширению общественных связей и интеллектуальных границ индивида, не могли не воздействовать на его сознание. В результате обязательно переживаемого каждым студентом-африканцем культурного шока рождался этнокультурный дуализм, зачастую выражавшийся в напряженном поиске новых форм сосуществования традиций и инноваций в сознании африканского студента³.

Оба респондента - Патрис и Игхо - отмечали искреннее тепло, доброжелательность и человеческое участие, с которыми встречали и которыми окружали посланцев Африки в советских вузах.

АДАПТАЦИЯ К НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

Среди проблем, связанных с адаптационными процессами в новой культурной и социальной среде, одной из главных африканские студенты выделяли освоение языка как основного инструмента в контактах с новым миром. Преподавание в университетах и вузах СССР, где обучались африканские студенты, изначально велось, как правило, преподавателями-русистами со знанием одного из европейских языков (языка метрополии), поэтому в начале учебного процесса при общении

преподавателей с учащимися лингвистического барьера почти не существовало.

Вообще же студенты-африканцы, как правило, довольно быстро овладевали русским разговорным языком. Причем большинство из них легко усваивали особенности мимики, речевую тональность, жестикуляцию, присущие русскоязычным гражданам. Те из африканцев, у которых была сильная мотивация изучить русский язык как можно лучше (например, при вступлении в брак), добивались этого посредством специальных занятий, дополнявших неформальное общение.

Однако для большинства главным мотивом для изучения русского языка оставалась профессиональная подготовка.

Поскольку стартовое знание языка и даже интенсивные занятия на подготовительных факультетах не обеспечивали возможности свободно воспринимать учебный материал, сами педагоги стремились помочь студентам, занимаясь с ними дополнительно. Это отмечает и Игхо Натуге: *«Преподаватели нам очень помогли, особенно по русскому языку. Система, которую они использовали при преподавании русского языка, лаборатории, магнитофоны - все это было очень полезно. Через 2-3 месяца я неплохо говорил по-русски. Еще я помню мероприятия, которые университет организовывал для иностранных студентов, помню и Дом Дружбы на Арбате. Все эти встречи и мероприятия очень помогли нам с русским языком, да и для адаптации в целом. Наши новые друзья были очень дружелюбно настроены...»*

Известно, что язык принимающей страны быстрее всего осваивается в условиях бытовых контактов с его носителями. Большую помощь при изучении языка оказывает сама студенческая среда, внеаудиторное общение, контакты с населением.

Патрис Йенго, анализируя проблему освоения русского языка и первых контактов в интернациональной студенческой среде с позиции культурного антрополо-

га, иллюстрирует этот процесс собственными наблюдениями: «Первоначально это - беспокойство и страх перед перспективой изучения русского языка, которые начинаются с нового алфавита. Несмотря на это, вы испытываете восторг, когда через пару месяцев уже можете произносить целые фразы или начинаете самостоятельно делать покупки. Уроки русского языка, продолжавшиеся в университетах еще два года, начнут приносить радость, когда речь уже будет идти не о падежах или спряжениях глаголов, а о поэзии Маяковского, Лермонтова, Есенина, Ахматовой... и, конечно, Пушкина с его африканской кровью, с которым вы проникаете в самое сердце языка...

Язык - это пароль, который открывает для вас другую культуру. До этого вы руководствуетесь только впечатлениями и предрассудками, а их очень много: как и у вас, так и у ваших советских коллег. Ваши предрассудки связаны с тем, что писали в западной прессе об учебе в СССР. Предрассудки советских студентов связаны с представлением о развивающихся странах как о не имеющих культуры. В первые годы постоянно раздражают вопросы типа «Есть ли у вас автомобили?», «Живете ли вы на деревьях?». И вначале вы не понимаете, ирония это или полная неосведомленность об африканских реалиях, но если вы чувствуете различия, это сигнал к тому, что вы начинаете владеть языком... О том же говорит и возможность пересказать советский анекдот и/или спеть первые слова песни Высоцкого...

Если вы живете в одной комнате с несколькими студентами, это хорошо для изучения языка, но может появиться напряжение в отношениях, особенно когда один из проживающих в комнате - комсомольский руководитель, считающий себя комнатным старостой...»

Тем не менее, между собой студенты, как правило, продолжали говорить на родном языке (особенно когда собирались соотечественники) и с некоторым трудом, особенно на ранних стадиях адаптации, вступали в контакт с теми, кто не говорил на их родном языке.

Игхо вспоминает, как его встречали «люди из университета, из отдела Африки УДН. Нас уже ждали. Нас поселили в 156-ю комнату, первый блок... (видите, я все помню!) В комнате нас было трое. Русский парень (имени его я никогда не забуду - Сережа) и из Непала. Мы дружили...»

Совместная жизнь, замечает Патрис Йенго, бывает полезной, если один из соседей по комнате приглашает вас в свою семью, но это случалось редко. По мнению Игхо, личные контакты, особенно с преподавателями, в немалой степени способствовали быстрой и безболезненной адаптации. «У меня были очень хорошие отношения с преподавателями, в том числе с деканом Николаем Николаевичем Молчановым, моим другом. Мы вместе ходили в бар, обедали... Мы были очень близки. Близко общался я и со своим научным руководителем, профессором Германом Розановым... И уже через месяц-два мы практически интегрировались в советскую среду, в советское общество...»

И все же недостатки совместной жизни, по его мнению, компенсировались богатством контактов с другими студенческими сообществами, т.к. университетское общежитие - это, по мнению Патриса Йенго, «интернациональный микромир, где, с одной стороны, - студенты из стран народной демократии - ГДР, Чехословакии, которых здесь лучше принимали, с другой стороны - студенты из братских азиатских и латиноамериканских стран, что позволяло знакомиться с соответствующими культурами. Было и много студентов из Алжира, Нигерии, Мозамбика... В первые годы студентам не рекомендовалось выезжать из Советского Союза. Предлагалось ездить на юг в студенческие лагеря отдыха, в Прибалтику, по городам Советского Союза. На второй год студенты ездили уже и за границу - в Германию, Францию, иногда работали там во время каникул...»

НЕ ОБХОДИЛОСЬ И БЕЗ КОНФЛИКТОВ...

Оба бывших выпускника единодушны во мнении, что конфликтные ситуации во время

учебного процесса неизбежны. Патрис Йенго подчеркивает, что наиболее острые конфликты совсем не обязательно возникают между студентами из разных стран; чаще они происходили с соотечественниками, в основном из-за разницы в политических взглядах. В значительной степени это было свойственно нигерийцам.

Первые студенты из Нигерии появились в Советском Союзе в 1960 г. Большинство из них находилось в оппозиции к тогдашнему правительству во главе с А.Т.Балевой, поощрявшим коррупцию, устанавливавшим контакты с западными государствами. В 1960 г. в Москве было открыто посольство Федеративной Республики Нигерия, предпринявшее шаги по созданию в СССР единой и контролируемой студенческой организации, которая и была сформирована зимой 1963 г.

В том же году в рамках нигерийского землячества начала действовать «марксистская» группа - первое объединение африканских студентов в СССР такого типа, самостоятельно изучавшее марксистско-ленинскую теорию⁴. Однако эффективность его воздействия на других членов землячества ослаблялась внутренними противоречиями.

Возникали и конфликты, основанные на межплеменной вражде⁵. Прежде всего, ими были охвачены представители народов игбо, йоруба и хауса.

Волна политической активности нигерийских студентов была поднята и военным переворотом 1966 г. В разгар междоусобной войны между федеральным правительством и сепаратистами Биафры (1967-1970 гг.) нигерийские студенты, обучавшиеся в СССР, также разбились на два лагеря.

Студенты из Биафры выражали серьезное недовольство поддержкой Советским Союзом правительства Нигерии. При этом помощь, которую предоставлял Биафре Китай, вызвала их интерес к маоистской теории, а также к националистическим взглядам лидера Биафры О.Оджукву. Произшедший в 1967 г. раскол в нигерийской «марксистской» груп-

пе студентов, обучавшихся в СССР, в известном смысле явился результатом маоистского влияния.

Эти события комментирует Игхо, в те годы учившийся в Москве: «... Есть некоторые противоречия, которые бывают везде, в том числе в Нигерии... И в нигерийском студенческом землячестве. Я могу сказать, что до 1967 года самый глубокий раскол произошел внутри нигерийского кружка «марксистов». У нас было два направления: одно поддерживало позиции Китая, другое - Советского Союза. И все в рамках «марксистского» кружка. Это оказывало очень плохое влияние на нашу учебу...»⁶

«Я хорошо помню гражданскую войну 1967 года. Почти все мои друзья - из Восточной Нигерии. (Я сам из штата Дельта.) Когда война началась, ситуация сложилась очень сложная, потому что все мои друзья воевали. Я помню такое событие: еще до 1967 года африканские студенты в УДН создали Африканскую футбольную лигу. Я был ее секретарем, а один парень (забыл его имя) из Кот-д'Ивуара - ее председателем. Ивуарийцы уже признали Би-афру (как Танзания, Габон и некоторые другие страны), и я помню, как мои друзья из Би-афры написали заявление, что хотят выступить на футбольных соревнованиях в качестве представителей Би-афры.

Получив это заявление, на очередном заседании правления Лиги я сказал, что мы можем согласиться с этим при условии, если УДН признает Би-афру как независимое государство. Но поскольку мы находимся здесь, в СССР, который признает только государство со столицей в Лагосе, мы не можем признать команду не существующей страны. Мои друзья очень ругались: это уже политический вопрос! Председатель Лиги тоже настаивал на этом признании. Но я ему сказал: «Ну и что, что я из Нигерии? Мы здесь живем по советским законам, а в соответствии с ними Би-афры не существует!»

В 1967 году нигерийским послом в СССР был игбо - сторонник отделения Би-афры (они с Оджукву были друзьями, даже вместе

учились). Он пытался влиять на советский МИД, чтобы СССР признал Би-афру. В результате, он был отозван, так как фактически начал проводить антинигерийскую политику. И это отразилось на студенчестве. Жизнь землячества стала очень беспокойной, отношения между посольством и студентами были напряжены до предела...

Но несмотря на гражданскую войну, у нас были хорошие отношения со студентами из Би-афры. Студенческая жизнь нас спланивала. Правда, би-афры создали свою студенческую организацию, которая не была признана в УДН».

АДАПТАЦИЯ К РУССКОЙ КУХНЕ

«Вначале мы были в замешательстве, - вспоминает Патрис Йенго, - особенно впервые попробовав русские котлеты, ведь во Франции, например, - это мясо на косточках, а в России - мясо с хлебом. Но было вкусно, и этот вкус мы сохранили на всю жизнь. Все время вспоминаем и первый борщ...»

Игхо: «Не могу сказать, что вся моя жизнь была сосредоточена на занятиях. Я много ходил в театры... Африканской еды у нас не было. Чтобы приготовить кашу типа той, что мы ели в Нигерии, мы использовали манную крупу. И это был прекрасный заменитель. Но когда во время каникул мы ездили в Англию, там мы запасались нигерийской едой и везли сюда...»

Патрис вспоминает: «В свободное время мы занимались спортом, ходили в театр и кино. Я видел фильмы Довженко, Майю Плисецкую... Я позировал одному художнику для образа Отелло... Такой была повседневная жизнь африканского студента».

РАСИЗМ ПО-РУССКИ

С высоты прожитых лет respondents оценивали и феномен «расизма по-русски», с которым в той или иной степени столкнулись в студенческой жизни.

Игхо: «У меня сейчас отношение к этому философское. Да, здесь было хорошо. Когда я был

студентом, я лишь два раза почувствовал это на себе. В первый раз - в 1966 году в Новгороде, в археологической экспедиции. Мы только что вышли из ресторана, и один русский парень, шофер, увидел нас и воскликнул: «Нигер!» А во второй раз это было здесь, в Москве, в зоопарке. Я был там с русской подругой. И один русский парень крикнул: «Вон там ваш родственник!» Он сказал это не злобно, со смехом. Это было только два раза!..»

Любовь Игхо к избранной со школьной скамьи специальности, желание изучать проблемы международных отношений и ... «настоящий» расизм определили путь его карьеры.

«Интересно, почему я здесь не защитил диссертацию, а попал в Канаду... Я хотел уехать на Запад, чтобы иметь другой, отличный взгляд на международную политику. У меня было много книг западных авторов, которые я купил в Англии и Германии, и я понимал, что в СССР трудно получить необходимую информацию, чтобы иметь возможность рассматривать проблемы с обеих сторон.

Приведу один пример. В 1968 году у нас в УДН был семинар по Второй мировой войне. Я задал вопрос о советско-германском договоре о ненападении 1939 года. К тому времени я уже прочитал статью профессора Петрова (эмигранта, проживавшего в США). Это была блестящая статья! Там приводились данные из секретных протоколов. Поэтому то, что мой профессор ответил на мой вопрос, меня очень удивило. «Игхо, вы, наверное, уже читали статью Петрова?» Боже мой, как он узнал?! То есть он уже читал эту статью, но нам не сказал! Почему? И я решил уехать... В 1974 г. в Канаде я защитил диссертацию на тему «Советская политика в Африке в 1945-1970-е годы».

Возможности для трудоустройства и продолжения научной работы у Игхо были обширные: «Младший брат моего отца жил в Англии, в Бирмингеме, и отец хотел, чтобы я поехал туда. Но я просто не люблю Англию!». Были и предложения от нескольких американских университетов.

«Еще обучаясь в СССР, я подал заявление в Гарвард и в Колумбийский университет. Они меня пригласили. Одновременно я получил приглашение и из Оттавы. Пришлось быстро решать. В то время - в 1967-1968 гг. - в США проходили многочисленные расовые демонстрации. Поэтому я поехал в Канаду - очень спокойную в этом отношении страну...»

Оценки Патриса - более сдержанные. Несколько неприятных эпизодов, которые ему пришлось пережить в СССР, он, профессиональный культуролог, не возводит в степень устойчивого явления. Как и Игхо, он отрицает существование в СССР расизма в его классическом понимании: «В народных демократиях, где коллективное превалировало над индивидуальным, не так понимали расизм, как в США, где его личное восприятие или индивидуальное ощущение человека с черной кожей могло усиливаться официальной расовой сегрегацией. В СССР государство было гарантом отсутствия дискриминации по расовому признаку на транспорте, в школах и других общественных местах. Проявление бытового расизма считалось неважным. Оно было, скорее, недостатком воспитания и никак не вредило имиджу советского человека».

В целом же, Патрис разделяет мнение российского историка С.В.Мазова, определяющего это явление как проявление первых в тот период межцивилизационных «черно-белых» соприкосновений на территории государства, исторически не искушенного расовыми предрассудками⁷.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Профессиональный путь Патриса складывался по-другому. Завершив в 1976 г. образование в СССР, он вернулся в Браззавиль с дипломом фармацевта и на протяжении нескольких лет работал по специальности в различных медицинских учреждениях и ведомствах страны, преподавал на факультете наук о здоровье в Университете Браззавиля. Однако интерес к социальным наукам не ослабевал, и к началу 2000-х гг. Патрис серьезно занялся соци-

альной антропологией, в основном, во Франции, принял участие во многих научных проектах, в т.ч. Центра африканских исследований Высшей школы социальных наук в Париже: «Память о деколонизации» (2003 г.), «Дети-колдуны, дети улицы в Браззавиле» (2006 г.) и др.

В 2005 г. он закончил магистратуру французской Высшей школы социальных наук по специальности «социальная и политическая антропология» и продолжил успешно сочетать в своей научной работе фармацевтику и антропологию, получив в 2011 г. французский грант «Медикаменты, практики лечения и социальные связи. Вопрос обеспечения медикаментами в Центральной Африке».

Игхо остался верен избранной специальности: «Я всегда, еще со средней школы, интересовался международным правом, историей международных отношений. Во время учебы увлекался политикой... Хотя в то время в УДН был только исторический факультет и не было отдельной кафедры международных отношений, мы втроем (я и два моих друга) подали ректору заявление с просьбой предоставить нам возможность изучать специальность «Международные отношения». Для нас создали специальную программу по истории международных отношений - международное право, консульское право, публичное право, дипломатическое право и т.д. Все это для нас специально создали. Мы начали специализироваться с третьего курса...»

Ретроспективное восприятие личного опыта, связанного с учебой в СССР, у обоих героев нашего повествования одинаково положительное.

«Это была наиболее счастливая часть жизни студентов, способствующая дружбе, любви... Собственно же учеба дала замечательные знания благодаря преподавателям, всегда готовым помочь. Большую роль сыграли стипендии Советского Союза для студентов развивающихся стран. Контроль знаний всегда опирался на устный экзамен, что было необычно для студентов, прошедших французскую систему обучения. Это был замечательный подарок

Советского Союза!» (Патрис Йенго).

«Я - гражданин Канады с 1975 года, но чувствую себя гражданином мира и хотел бы когда-нибудь вернуться в Нигерию. Как профессор я очень хорошо реализовал себя благодаря базовой подготовке в СССР. Я получил хороший старт. Советское образование - очень сильный фундамент, я всегда с удовольствием приезжаю сюда на стажировку... Сейчас я на пенсии и работаю «на себя»: пишу книги на тему российской внешней политики. Последнюю из изданных мною книг - «Советская политика в Африке. От Ленина до Брежнева» (издана в США в 2011 г.) - я подарил Институту Африки» (Игхо Натуге).

Фото автора

¹ Здесь и далее приводятся выдержки из интервью автора с Игхо Натуге. Москва, ИАФР РАН, март 2014 г. Текст выделен курсивом.

² Здесь и далее приводятся фрагменты выступления Патриса Йенго на коллоквиуме в Париже в апреле 2013 г. («Vie quotidienne et experiences des etudiants africains en USSR et en Russie». Intervenants: Natalia Krylova, Historienne, Institut d'Afrique de l'Académie des sciences, de la Russie, Moscou, Directeur d'études associé FMSH; Patrice Yengo, Anthropologue, Université Marien Ngouabi, Brazzaville et RIAE, Directeur d'études associé FMSH. 12 avril 2013. EHES, Paris).

³ Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М., РОССПЭН, 1996. С. 61-62. (Krylova N.L. 1996. Russian women in Africa. M.) (in Russian)

⁴ В то время общественные науки для иностранных студентов преподавались в вузах СССР факультативно. Подробнее см.: Нигерийские учащиеся в СССР: 1960-1974 гг. // Информационные материалы Общесоюзного совета по делам иностранных учащихся. М., 1979. Вып. 54. С. 42.

⁵ Эта борьба продолжалась на всем протяжении истории студенческого землячества Нигерии. Нигерийские учащиеся в СССР представляли примерно 100 племен и народов.

⁶ Конечно, не все члены нигерийского землячества входили в состав марксистского кружка. Другие были членами Всемирного движения демократической молодежи (ВФДМ). (Из интервью с Игхо Натуге. Москва, ИАФР РАН, март 2014 г.)

⁷ Мазов С.В. Африканские студенты в Москве в Год Африки (по архивным материалам) // Восток/Oriens, 1999, № 3. С. 91-93. (Mazov S.V. 1999. Afrikanские studenty v Moskve v God Afriki // Vostok/Oriens. № 3) (in Russian)